

В драме же все происходящее и произносимое на сцене должно принадлежать только действующим персонажам — сообразно их характерам и логике развивающегося действия. Таково главное убеждение Мерзлякова.

С точки зрения требований эстетической критики Мерзляков был, несомненно, прав. Другое дело, что он совершенно не учитывал специфики литературного сознания XVIII века, применяя к оценкам сочинений Сумарокова критерии, внеположные эстетическим представлениям данной эпохи. Но он сознательно отказывается признавать правомочность насыщения трагедий политическими аллюзиями, сосредоточивая внимание своей критики на отсутствии в действии пьесы должного динамизма. Мерзляков по пунктам полемизирует с оценками рецензента, противопоставляя его восторженным похвалам спокойные взвешенные доводы, обнаруживающие неуместность реплик персонажей, противоестественность монологов, нелепость порывов Ильмены к «философствованию».

В анализе пятого действия, где Ильмена становится супругой Синава, Мерзляков сопоставляет пьесу Сумарокова с трагедией Вольтера «Альзира», которая содержала типологически родственную ситуацию и могла послужить русскому драматургу источником для подражания. Но если у Вольтера брак героини с тираном Гусманом в третьем акте трагедии лишь усиливает напряженность действия, то у Сумарокова изменение положения героини на характере действия никак не сказывается: оно по-прежнему остается инертным. Главным недостатком «Синава и Трувора» остается, по мнению критика, «бездейственность».

Раскрывая искусственность сюжетной основы трагедии, Мерзляков указывает, что в страсти и Трувора, и Ильмены нет ничего героического — «это любовь мещанская». Недостаток действующих лиц, отсутствие наперсников тоже явились причиной неестественности положений в пьесе.

Из остальных трагедий Сумарокова особое внимание Мерзляков уделяет «Димитрию Самозванцу». Несмотря на свою популярность, «она имеет гораздо более погрешностей, нежели какая-либо другая трагедия того же Автора <...> Драма не может быть без действия, которое составляет ее душу. Какое действие в „Димитрии Самозванце“? Во всех пяти актах нет никакого. Димитрий грозит муками, смертью; себя обрекает вечно жертвою геенне; ни он не действует, ни против него не действуют». Мерзляков не может удержаться от того, чтобы передать в гротесково-пародийном духе свое ощущение нелепости, казалось бы, самой популярной пьесы Сумарокова: «. . . содержание сей трагедии следующее: *тиран сердился, бранился и с досады, наконец,*